УДК 340.15 +343.7

С. А. ЕЛИСЕЕВ (РОССИЯ)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО ПРОЕКТУ УГОЛОВНОГО УЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1813 г.

Посвящена одной из самых малоизученных страниц истории развития уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за совершение преступлений против собственности. Исследуются составы преступлений против собственности по проекту Уголовного уложения Российской империи 1813 г. На основе историко-правового и формально-юридического анализа рассмотрена эволюция законодательных подходов к установлению признаков наиболее распространенных преступлений против собственности: кражи, грабежа, разбоя, уничтожения и повреждения имущества, а также различных способов совершения хищений, которые нашли свое отражение в проекте Уголовного уложения Российской империи 1813 г. Показаны достоинства и недостатки предложенных законопроектных решений. Уголовное уложение 1813 г. так и осталось проектом. Однако нельзя не отметить, что ряд его положений о преступлениях против собственности получили свою реализацию в позднейшем российском и советском уголовном законодательстве. Эти положения не утрачивают своей актуальности и для современного уголовного законодательства не только Российской Федерации, но и Республики Беларусь, а также других государств – участников Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: проект Уголовного уложения России 1813 г.; история развития уголовного законодательства; преступления против собственности; кража; разбой; грабеж; обман; уничтожение и повреждение имущества; насилие.

Article is devoted to one of the most neglected pages history of criminal law, establishing responsibility for crimes against property. Investigates offenses against property for the project of the Criminal Law of the Russian Empire, 1813. On the basis of historical, legal and formal legal analysis in the article considers the evolution of legislative approaches to the establishment of the most common signs of crimes against property: theft, robbery, destruction and damage to property, as well as different ways of committing the theft, which are reflected in the Draft Criminal Law Code of the Russian Empire in 1813. The author shows the advantages and disadvantages of the proposed lawmaking decisions. Criminal code in 1813 have only Project. However, some of its provisions on crimes against property are its implementation in the later Russian and Soviet criminal law. These provisions do not lose their relevance for modern criminal law not only of the Russian Federation, but also for the Republic of Belarus, as well as other countries of the Commonwealth of Independent States.

Key words: Draft Criminal Law Russia in 1813; history of criminal law; crimes against property; theft; robbery; robbery; deception; destruction or damage to property; violence.

В Российской империи в течение XVIII в. предпринимались попытки систематизации уголовного законодательства. Начиная с царствования Петра I, создавались кодификационные комиссии, имевшие задачей разработать Уголовное уложение, которое заменило бы собой многочисленные, во многом архаичные и противоречивые источники русского уголовного права. Однако ни одной из комиссий в то время не удалось решить этой задачи[1].

Систематизация уголовного законодательства была продолжена в начале XIX в. В 1804 г. Александром I была учреждена комиссия составления законов, основной задачей которой было составление Свода существующих законов и подготовка кодекса новых законов[2]. План выработки уголовного кодекса был определен докладом Министерства юстиции, высочайше утвержденным 28 февраля 1804 г. Законы уголовные должны были составить самостоятельную четвертую часть книги законов; эту часть, в свою очередь, предлагалось делить на два отдела – «Устав уголовный» и «Устав благочиния и все до полиции относящееся». В «Уставе уголовном» предполагалось выделить два отделения, соответствующие как бы общей и особенной частям. Преступления доклад делил на две группы: 1) против благосостояния государства; 2) против благосостояния частного лица.

Среди последних различались деяния «общеопасные» и такие, «когда нарушаются оными права частных людей без возмущения общей тишины». К общеопасным были отнесены наряду с прочими «зажигательство, разбой, ночное воровство, воровство со взломом и похищением». Среди деяний, нарушающих «права частных лиц без возмущения общей тишины», упоминались лишение собственности плутовством или коварством, мошенничество[3].

К 1813 г. комиссия подготовила проект Уголовного уложения Российской империи (далее – проект 1813 г.)[4]. В объяснительной записке к проекту 1813 г. отмечалось, что его постановления «суть токмо извлечения из отечественных узаконений, как то: Уложения (Соборного уложения 1649. – *С. Е.*), Воинских Артикулов, Морского устава…» и изданных в разное время указов. Проект 1813 г. состоял из трех частей. Первая часть «Основания уголовного права» представляла собой Общую часть Уголовного уложения. Вторая и третья части образовывали Особенную часть Уголовного уложения (вторая часть содержала постановления об ответственности за преступления государственные и общественные, третья – об ответственности за частные преступления)[5]. В главе четвертой части третьей проекта 1813 г. содержались статьи о преступлениях против собственности.

Главу четвертую открывал § 492. В этой главе была закреплена достаточно согласованная и наглядная группировка преступлений против собственности. В названном параграфе говорилось: «К преступлениям сего рода принадлежат: 1) Истребления и повреждения собственности; 2) Похищение и присвоение оной. Преступления первого рода заключаются в отделениях I и II, преступления же второго рода – в отделениях III, IV, V и VI». Наименование и содержание отделений III и IV позволяли сделать вывод, что понятие «похищение собственности» охватывало разбой, грабеж, воровство; понятие «присвоение собственности» – присвоение чужой собственности или права путем обмана.

Поставив «истребление и повреждение собственности» на первое место среди преступлений против собственности, составители проекта 1813 г. различали: злоумышленное истребление собственности; неумышленное истребление собственности; нечаянное истребление собственности. В отделении I главы четвертой были выделены такие виды злоумышленного (умышленного) истребления собственности: зажигательство (истребление чужого имущества посредством использования огня); другие («иным образом, кроме зажигательства») истребления собственности.

Проект 1813 г. различал, говоря современным языком, основной, квалифицированные и особо квалифицированные составы зажигательства. Виды «других истреблений собственности» проект 1813 г. не называл. Его составителями был использован рациональный технико-юридический прием; в § 501 они указали, что «ежели кто иным образом, кроме зажигательства, злоумышленно старался истребить строения, заведения, корабли, суда и проч., то обличенный в оном подвергается суждению и наказанию, сообразно предыдущим §§ и по усмотрению вины». Нечаянное истребление не влекло за собой наказания и ответственности (§ 505).

В отделении II «О разных повреждениях собственности» содержались постановления об ответственности за умышленное повреждение чужого имущества. Проект дифференцировал наказание за повреждение имущества с учетом величины причиненного ущерба. Неумышленное повреждение чужого имущества, по проекту 1813 г., не составляло уголовного преступления; за это правонарушение предполагались «полицейские наказания» (§ 508).

Отделение III «О наказаниях за похищение собственности» включало постановления, предусматривавшие ответственность за разбой и грабеж. В отделе первом «О разбое» составители проекта указали, что «разбой есть, когда нападение для похищения имущества другого произведено открытою силою и с явной опасностью для самого лица» (§ 513). Из этого определения видно, что под разбоем они понимали открытый захват чужого имущества посредством применения насилия, представляющего опасность для лица, подвергшегося нападению, совершенный с намерением завладеть чужим имуществом. В то же время нельзя не заметить, что составители проекта 1813 г. не объяснили, что же, собственно, следует понимать в основном составе разбоя под нападением, представляющим «явную опасность». Принимая во внимание положения § 515, а также § 516, можно предположить, что к нападению, «произведенному с явной опасностью», они отнесли нападение с угрозами лишить потерпевшего жизни, причинить тяжкий вред его здоровью.

Отдел второй «О грабеже» отделения III включал три параграфа. В § 520 было сказано, что «грабеж есть, когда кто на улицах, в городах и селениях и при случайных встречах на дорогах отнимает у другого находящиеся при нем вещи, хотя бы с тем не сопряжены были вышеупомянутые опасные обстоятельства». Из определения грабежа видно, что составители проекта 1813 г. под грабежом понимали открытый захват чужого имущества. При этом для признания похищения грабежом требовалось, чтобы завладение имуществом было совершено на улицах или дорогах при случайных встречах. Из определения грабежа также следовало, что завладение имуществом при грабеже не должно быть сопряженным с «опасными обстоятельствами, присущими разбою. Но с какими именно обстоятельствами не должно быть сопряженности, в проекте не говорилось. Однако логика изложения постановлений в отделении III приводила к заключению, что грабеж не представлял собой преступления, создающего «явную опасность» для лица, подвергшегося нападению; не составлял он и общеопасного преступления, преступления, совершаемого во время общественных бедствий.

Отделение IV «О воровстве» включало два отдела – отдел I «Общие постановления», отдел II «О наказаниях за разные роды воровства». В общих постановлениях составители проекта привели определение воровства. В § 523 говорилось: «Воровством или кражею почитается всякое похищение чужой вещи, без согласия того, кому она принадлежит или у кого находится в сбережении». Нельзя не увидеть, что проект, в отличие от Указа 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов», оперировал понятием «воровство» как равнозначным понятию «кража». В Указе 1781 г. понятие «воровство» было родовым для таких преступлений, как грабеж, кража, мошенничество.

Также нельзя не заметить, что составители проекта, определяя состав воровства или кражи, отошли от сложившегося в российском уголовном праве представления о краже как о тайном похищении чужого имущества. К воровству или краже они отнесли как тайное, так и открытое похищение чужого имущества. Воровство, по проекту, могло быть совершенным и с насилием, а также с оружием «явным или скрытным» (§ 527).

Учитывая определение разбоя, казалось бы, можно было сделать вывод, что воровство с насилием предполагало применение менее опасного, чем при разбое, физического или психического насилия. Однако такой вывод исключили сами составители проекта. В § 528, имевшем наименование «Что почитать насилием при воровстве», было сказано: «Насилием при воровстве почитается: 1. Когда кто в домы или другие строения… входит, или пробирается чрез стены, крышки и другие затворы, или чрез подрытие земли; 2. Когда кто входит в оныя, употребляя ключи, крючья и другие для отпирания замков и задвижек приготовленные орудия, или тому подобные средства». Положения этого параграфа, по существу, размывали возможное представление о воровстве с насилием как о похищении чужой вещи посредством физического или психического воздействия на потерпевшего, создавали, говоря словами Л. С. Белогриц-Котляревского, хаос в понятиях разбоя, воровства с насилием[6].

Неясность положений проекта о воровстве с насилием можно объяснить слабостью российской юридической мысли начала XIX в., не способной более или менее точно определять признаки того или иного преступления. Составители проекта при подготовке его текста, несомненно, упустили в первой фразе § 528 уточнение «также». Очевидно, что формулировка «насилием при воровстве почитается также» исключала бы понимание воровства с насилием лишь как воровства с проникновением в дома, другие строения, огражденные места. Примечательно, что в немецком издании проекта Уголовного уложения Российской империи логическая форма высказываний исключала рассогласованность в смыслах используемых понятий. § 528 имел название «Was als gewaltsamer Diebstahl anzusehen» (что рассматривается как насильственная кража); в вводном предложении этого параграфа говорилось «Was ein gewaltsamer Diebstahl soll es anzusehen werden» (что должно рассматриваться как насильственная кража). Как видим, в этом издании в § 528 определялось понятие кражи с проникновением в жилое, нежилое строение либо огражденное место как разновидности кражи с насилием, а не насилия как способа ее совершения[7].

С учетом предмета преступления проект 1813 г. различал такие роды воровства: а) святотатство и воровство в церкви; б) воровство казенных вещей; в) воровство частной собственности.

Воровство казенных вещей подразделялось на два вида: воровство казенной вещи, «порученной по должности» (§ 541); воровство вещей или денег, заведомо принадлежащих казне (§ 542). Кража заведомо казенных вещей или денег дифференцировалась по цене похищенного. К воровству частной собственности проект отнес воровство вещей, принадлежащих частным лицам (§ 546). Воровство казенных вещей, как и воровство частной собственности, подразделялось на виды по цене похищенного имущества.

В отделении IV был назван привилегированный вид кражи – «кража съестных припасов или других необходимых потребностей в случае крайней нужды» (§ 551). За кражу в состоянии крайней нужды наказание предлагалось назначать по полицейским законам.

Отделение V «О наказаниях за присвоение чужой собственности чрез обман» состояло из двух отделов: I. «Общие постановления»; II. «Разные роды обмана, подлежащие уголовному суду». Проект давал достаточно широкое определение обмана как способа действия при завладении чужим имуществом. В § 552 было сказано: «Обманом почитается всякое деяние, чрез которое один, пользуясь неведением, легковерием, или неосмотрительностью другого, присвояет себе злоумышленно чужую собственность или права». К обманам, подлежащим уголовному суду, были отнесены обманы по договорам и сделкам всякого рода, по делам торговым и ремесленным, «по злоупотреблению лиц, кои обязаны охранять собственность или права другого», по ложным банкротствам, в случаях, когда цена иска превышала сторублевую сумму (§ 554).

Отделение VI главы четвертой включало предписания, устанавливавшие ответственность за неосторожное (последовавшее от «явной небрежности, беспорядков или расточительности» (§ 578)) и «безвинное» банкротство. Под безвинным банкротством понималась несостоятельность к платежу, которая «произошла не от вины и не от собственных поступков впадшего в оную», но от какого-либо несчастного или непредвиденного происшествия – § 585.

По проекту 1813 г. обманы предполагали назначение в целом более мягкое, чем за воровство, наказания.

Как видим, глава четвертая книги третьей проекта Уголовного уложения 1813 г. содержала достаточно согласованное множество постановлений об уголовной ответственности за преступления против собственности. Текст этой главы имел рельефную структурную дифференциацию. Наименования отделений, отделов и параграфов главы четвертой лаконично, но емко отражали суть содержащихся в них предписаний.

От старых русских уголовных законов, проектов, разработанных в середине XVIII в., проект 1813 г. выгодно отличала широта обобщения, детальная обрисовка предлагаемых законоположений об ответственности за преступления против собственности[8]. Проект давал новые определения уголовно-правовым понятиям, содержал сравнительно краткие формулировки. Составители проекта предложили решения, которые нельзя не признать новаторскими для того времени. Так, они выстроили соразмерную систему обобщающих понятий, раскрывающих суть преступлений против собственности. Результатом этого стало достаточно четкое деление преступлений против собственности на два рода: «истребление и повреждение собственности»; «похищение и присвоение оной».

К похищению имущества составители проекта отнесли разбой, который в действовавшем в те годы русском законодательстве рассматривался как посягательство на личность, а не на имущество. Понятие грабежа в проекте 1813 г., по сути, утратило значение самостоятельного преступления, грабеж поглощался понятием воровства. Упоминание грабежа в тексте проекта Уголовного уложения можно объяснить ничем иным, как стремлением его составителей не отказываться резко от устоявшейся в русском уголовном законе терминологии. Составители проекта исключили из круга наказуемых деяний такое преступление, как воровство-мошенничество (известное Указу 1781 г.). Вместо него в законопроекте они предусмотрели группу деяний, охватываемых общим понятием «присвоение чужой собственности через обман». При этом составители проекта отказались от принятой Указом 1781 г. трактовки

обмана как лживой деятельности, соединенной с хитростью, ловкостью, направленной не только к побуждению потерпевшего к передаче имущества виновному, но и к облегчению захвата чужого имущества самим виновным. Обманы последнего рода в проекте 1813 г. были выведены за рамки составов преступлений, предусмотренных отделением V главы четвертой книги третьей проекта.

Проект дифференцировал насилие как способ похищения на насилие, направленное против лица, и насилие, направленное против «вещи». Насилие против «вещи», предполагавшее применение более или менее значительных физических усилий для вторжения в жилище или другие строения, огражденные места, было отнесено к числу обстоятельств, существенно повышающих общественную опасность воровства.

Проект Уголовного уложения 1813 г., как известно, так и остался проектом. Однако нельзя не отметить, что ряд его положений о преступлениях против собственности получил реализацию в позднейшем российском уголовном законодательстве. Так, в Своде законов уголовных 1832 г. определение разбоя воспроизводило (с двумя дополнениями) определение разбоя из проекта 1813 г. Как и в проекте, в Своде законов уголовных были выделены такие виды квалифицированного разбоя: разбой, сопровождаемый смертоубийством или зажигательством, разбой, учиненный не в первый раз, разбой, учиненный в церкви, разбой, учиненный на почте. Конструкцию разбоя как нападения для похищения чужого имущества использовали составители Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 2208 Уложения ред. 1857 г., ст. 1627 Уложения ред. 1866, 1885 гг.). Уложение 1845 г. называло и виды квалифицированного разбоя, известные проекту. В Уложении 1845 г. нашли воплощение и предложения составителей проекта 1813 г. дифференцировать ответственность за кражу с учетом цены похищенного, способа действия, обстановки совершения преступления, субъекта преступления. Так, по способу действия Уложение 1845 г. различало, как и проект 1813 г., такие виды кражи: кражу с оружием; кражу со взломом; кражу с «влезанием» в окно или перелезанием через ограду; кражу родителями у детей, детьми у родителей; «домашнюю» кражу (лицами, живущими у потерпевшего); кражу, совершенную не в первый раз; кражу, совершенную во время общественных действий; кражу, совершенную по крайности и неимению никаких средств к проживанию (ст. 1646–1663 Уложения ред. 1866, 1885 гг.).

Уложение 1845 г. ограничило мошенничество сферой похищения чужого имущества путем обмана. В этом решении нельзя не увидеть реализации идей, заложенных в проекте 1813 г.

Созвучными положениям проекта 1813 г. были и постановления Уголовного уложения 1903 г. Этот закон, как и проект, выделял случаи общеопасного повреждения (истребления) имущества, различал составы разбоя и воровства. Состав грабежа в Уложении 1903 г. был упразднен – открытое ненасильственное завладение имуществом охватывалось понятием воровства, открытое с насилием – составом разбоя. Воровство составляли и некоторые случаи насильственного, не охватываемого понятием разбоя, похищения чужого имущества. Уложение 1903 г. называло известные проекту 1813 г. виды квалифицированных разбоя и воровства (разбой в церкви, посредством весьма тяжкого или тяжкого телесного повреждения, воровство имущества, подвергающегося опасности от пожара, наводнения или иного общественного бедствия, принадлежащих церкви предметов, из разрытой могилы, с устранением преград или запоров, препятствующих доступу во двор или иное помещение или хранилище, с нарушением доверия (ст. 581–589)).

Влияние проекта 1813 г. просматривается и в постановлениях Уложения 1903 г., посвященных ответственности за мошенничество. В Уложении к мошенничеству были отнесены: похищение посредством обмана чужого движимого имущества, обман в количестве и качестве предметов при купле-продаже или иной возмездной сделке, побуждение посредством обмана к уступке права по имуществу или к вступлению в иную сделку по имуществу и т. д. (ст. 591–595).

Близкие положениям проекта 1813 г. решения можно увидеть и в советских уголовных кодексах. Так, в УК РСФСР 1922 г. разбой определялся как открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем (ст. 184). УК РСФСР 1922, 1926 гг. предусматривали более строгую ответственность за кражу, совершенную: из государственных и общественных хранилищ; во время пожара, наводнения или иного действия; с применением технических средств (ст. 180 УК 1922 г., ст. 162 УК 1926 г.). Концептуальное решение проекта 1813 г. о делении похищений имущества на два основных вида (разбой и воровство) нашло отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», упразднившем состав грабежа.

Преемственностью отдельных положений об ответственности за преступления против собственности отличался и УК РСФСР 1960 г. Некоторые решения, предложенные проектом, просматриваются в УК РФ 1996 г. В действующем кодексе для определения признаков разбоя использована формула «нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья…», основные элементы которой были определены в проекте 1813 г. К квалифицирующим признакам кражи, грабежа, разбоя отнесено «проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище». Ответственность за хищение дифференцирована, как и в проекте 1813 г., с учетом цены похищенного.

Как видим, исходные положения проекта 1813 г. о преступлениях против собственности оказались в той или иной мере пригодными для долгой жизни в российских уголовных законах. Объяснить это

можно стремлением составителей проекта изложить Уголовное уложение в «естественном и ясном порядке», используя «долговременный опыт и наблюдения, строго исследованные и основанные на существе и возможной пользе государства»[9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1900. С. 19–21.
[2] См.: Андрусенко О. В. Систематизация уголовного законодательства Российской империи (первая половина XIX века) : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 17.
[3] См.: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 247–248.
[4] См.: Сергиевский Н. Д. Указ. соч.
[5] См.: Архив Государственного совета. СПб., 1875. Кн. IV, 1. Приложения. С. 317–434.
[6] См.: Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматич. исследование. Киев, 1880. С. 202–203.
[7] См.: Criminal Codex fur das Russische Reich von der Kaiserlichen Gesetsgebungs Commission entworfen… aus dem Russischen ubersetzt. Halle, 1818. С. 193.
[8] См.: Елисеев С. А. Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России. Томск, 2005. С. 29–32.
[9] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 103.

Поступила в редакцию 24.01.2014.

Сергей Александрович Елисеев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Томского государственного университета (Россия).

УДК 349.6

Н. В. МАКАРОВА

ПРИНЦИПЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РАСТИТЕЛЬНОМ МИРЕ

Исследуются основные начала законодательства Республики Беларусь о растительном мире. В ходе анализа норм экологического права, устанавливающих принципы охраны окружающей среды, сохранения и устойчивого использования объектов растительного мира и лесов, делается вывод о необходимости закрепления отдельной нормой Закона Республики Беларусь «О растительном мире» принципов как основных начал правового регулирования отношений, объектом которых являются растения и растительные сообщества. Предлагается закрепить в качестве самостоятельного принципа экологического права принцип «зеленой» экономики.

Ключевые слова: растительный мир; экологическое право; окружающая среда; принципы законодательства о растительном мире; принципы экологического права; объекты растительного мира; принцип «зеленой» экономики; отношения в области обращения с объектами растительного мира.

Main beginnings of the flora legislation of Republic of Belarus are investigated. The rules of environmental law that established the principles of environmental protection, preservation and steady use of objects of flora and forest are analyzed. The conclusion is made about the necessity of fixing the principles of the relations which object are plants and vegetable communities as main beginnings of it legal regulation in a separate provision of the law of Republic of Belarus «About flora». The principle of «green» economy as the independent principle of environmental law is offered to be fixed.

Key words: flora; environmental law; environment; principles of the flora legislation; principles of the environmental law; objects of flora; principle of «green» economy; the relations in the field of the floras objects circulation.

Правовые принципы традиционно представляют интерес для исследования как с теоретических позиций, так и в рамках отраслевых юридических наук, поскольку такое направление научных изысканий дает самый общий «срез» знаний о предмете, методах и системе права, механизме правового регулирования, т. е. обо всем, что позволяет оценить право как институциональное образование. Принципы экологического права исследуются учеными на уровне разработки современных теоретико-правовых подходов, а также в изложении таких принципов в рамках учебных курсов[1]. В частности, теоретическим основам принципов экологического права посвящены работы Т. И. Макаровой[2]. Изучаются и отдельные начала экологического права, например, М. М. Бринчуком исследовался один из важнейших аспектов экологического права – его комплексность[3]; принцип устойчивого развития как основание обеспечения взаимовлияния сфер экономической, социальной и экологической политики рассматривался в работах Н. Д. Вершило[4], а также группы белорусских юристов-экологов[5]. Однако основные начала природоресурсных отраслей, входящих в систему экологического права (земельного, водного, лесного, горного и т. д.), крайне редко становятся предметом самостоятельных научных исследований. В качестве примера использования такого подхода может быть названа работа А. Л. Бажайкина, посвященная изучению норм-принципов законодательства об охране окружающей среды и земельного законодательства[6]. Основные начала одной из новейших подотраслей экологического права, определяющей правовой режим растительного мира, в научной литературе не исследовались.

Правовое обеспечение отношений, объектом которых является растительный мир, оформилось в самостоятельную подотрасль в рамках природоресурсного права с принятием 14 июня 2003 г. Закона Республики Беларусь «О растительном мире»[7] (далее – Закон «О растительном мире»). До введения в действие названного закона отношения по использованию, охране и защите растительных сообществ в какой-то части регулировались лесным законодательством[8], но в большей степени общими нормами